

Published in the Russian Federation
Bulletin of the Kalmyk Institute for Humanities
of the Russian Academy of Sciences
Has been issued since 2008
ISSN: 2075-7794; E-ISSN: 2410-7670
Vol. 28, Is. 6, pp. 146–152, 2016
DOI 10.22162/2075-7794-2016-28-6-146-152
Journal homepage: <http://kigiran.com/pubs/vestnik>

UDC 930(091): 930.1(09)''19''

Eurasianism and M. V. Shakhmatov (Distinction between Viewpoints Revisited)

Evgenii N. Derbin¹

¹ Ph. D. in History, Associate Professor, Department of Russian History, Social and Political Studies, Izhevsk State Agricultural Academy (Izhevsk, Russian Federation). E-mail: derbin80@mail.ru

Abstract. The article is dedicated to emigrant historian M. V. Shakhmatov, the creator of the ‘State of Truth’ theory resulting from his analysis of ancient Russian literary and folklore compositions. Its basis was constituted by the concepts of *sobornost* (‘cooperation’), *odinachestvo* (‘equality’) and divine nature of political power. Despite present-day studies, it is quite difficult to consider it ‘Eurasianistic’ by nature though its author got a number his works printed in several volumes of the Eurasianists. In his papers there are no such ideas as the ‘outcome to the East’, decisive factor of development place, perception of Russia as Eurasia or the idea of struggle as the driving force of history; finally, there was no Eurasianistic understanding of the benefits of the Mongol invasion. Ideologists of Eurasianism considered M. V. Shakhmatov to be a temporary companion of theirs who was used merely as a ‘specialist’. In turn, he declared his break with them. In general, his views can be rather attributed to the revival of Slavophile ideas about the uniqueness of Russia’s historical path and its sharp contrast to the West. They stemmed not from the Eurasianistic movement but from personal searches in the course of work on a master’s thesis on the history of ancient political ideas.

The article analyzes M. V. Shakhmatov’s views, the circumstances of the appearance of his works in the *Eurasianistic Vremennik*, reflects the Eurasianists’ opinions about the author contained in the correspondence of G. V. Florovsky to N. S. Troubetzkoy, N. S. Troubetzkoy to P. P. Sovchinski. This correspondence has not been taken into account by previous researchers of M. V. Shakhmatov’s works which resulted in somewhat incorrect conclusions. Given the relevance of the study of Eurasianism as a whole, and the Eurasianistic concept of Russian history in particular, the distinction between viewpoints of M. V. Shakhmatov and Eurasianists will allow to avoid many errors in future publications. It may contribute to further detailed consideration of Eurasianistic compositions by representative of the 1920–1930s Russian emigration.

Keywords: Eurasianism, Russian emigration in Prague, State of Truth, M. V. Shakhmatov, G. V. Florovsky, N. S. Troubetzkoy

Занимаясь изучением историографии русского зарубежья, часто приходится сталкиваться с мнением о существовании целого евразийского направления русской исторической науки в эмиграции. Создателями и проводниками евразийской концепции отечественной истории объявляются филолог Н. С. Трубецкой, экономист и географ П. Н. Савицкий, правовед Н. Н. Алексеев, историки Г. В. Вернадский и С. Г. Пушкин, историк-юрист М. В. Шахматов и др. Возникает вопрос: действительно ли все они являются «евразийцами»? Ведь априори об их взглядах некоторые исследователи пишут во множественном числе без должного рассмотрения положения каждого в евразийском движении [Вандалковская 2005: 417]. На чем основано такое утверждение и стоит ли ему доверять? Наиболее спорной и показательной в этом отношении является фигура Мстислава Вячеславовича Шахматова (1888–1943), чью теорию «государства правды» одни (большинство — обычно бездоказательно и однозначно) причисляют к евразийской концепции [Вандалковская 1997: 115, 118–119; Хачатурян 2002: 103; Маслин 2002: 249; Малявин 2003: 142; Цепилова 2005: 166; Суслов 2008; Гачева 2010: 381; Васильев 2012, 2013], другие (которые пытаются разобраться) — нет [Назмутдинов 2013: 15–16, 20, 32–33, 68–69, 110–111]. Проблема заключается в том, что исследователи потребительски рассматривают взгляды М. В. Шахматова. Анализируются лишь его статьи, опубликованные в евразийских изданиях, без учета обстоятельств их появления и мнений самих евразийцев об авторе.

Существует мнение, что «жизненный путь полузабытого ученого-правоведа и историка по-прежнему остается темным пятном в истории русской правовой мысли» [Васильев 2013: 6]. Это далеко не так. Даже краткий обзор известных данных позволяет представить и правильно оценить жизнь и творчество М. В. Шахматова¹. Племянник

знаменитого академика А. А. Шахматова, он окончил юридический факультет Санкт-Петербургского университета, где учился у другого известного академика, историка русского права М. А. Дьяконова. Оба они оказали непосредственное влияние на тематику будущих работ М. В. Шахматова. Начав свою научно-педагогическую деятельность непосредственно в 1917 г., как ученый он сложился уже в эмиграции. С 1922 г. и до конца жизни местом его деятельности будет Прага. Здесь, на Русском юридическом факультете Мстислав Вячеславович прошел все ступени ученой карьеры: магистерские испытания, защита диссертаций по истории русского права на степень магистра (1927 г.) и доктора (1935 г.). После переезда Г. В. Вернадского в США приват-доцент М. В. Шахматов стал основным профессором по своему предмету на факультете. Он активно участвовал в многочисленных научных обществах — Объединение русских юристов, Русская академическая группа, Русское историческое общество, Славянский институт и др. Интересовался музыкой, иконописью, писал стихи [Демин 1997: 711; Смолин 2008; Сорокина 2011: 192–193; Ковалев 2012: 193, 277–279, 285–286].

Появление М. В. Шахматова с двумя статьями в «Евразийских временниках» в 1923 [Шахматов 1923: 55–80] и 1925 гг. [Шахматов 1925: 268–304] было во многом случайным и считалось обеими сторонами (основоположниками евразийства и им самим) ошибочным. В самом движении он никогда не участвовал и евразийцев публично не поддерживал (во всяком случае, таких данных нет). Публикации в их изданиях были вызваны сиюминутными потребностями. С одной стороны, М. В. Шахматов в это время писал свою магистерскую диссертацию «Учения русских летописей домонгольского периода о государственной власти» [Шахматов 1926–1927] и нуждался в публикациях. Недаром он рассматривал эти статьи как целую серию работ, раскрывающую собственную концепцию автора, а не как отдельные публикации в поддержку евразийства [Шахматов 2008: 48]. В условиях эмиграции, особенно в начале 1920-х гг. в Праге, найти возможность печатать научные статьи было крайне сложно (не было средств, обязательно нужны были личные связи), и, конечно, авторы сами шли к евразийцам, у которых эта возможность была.

¹ Остается только удивляться, почему эти общедоступные и общепонятные данные не учитываются при рассмотрении взглядов М. В. Шахматова или простом упоминании о нем. Например, А. Г. Гачева в одной из своих статей пишет: «Вскоре к движению присоединились филолог М. В. Шахматов...» [Гачева 2010: 381]. Что здесь? Халатность, опечатка или нежелание заниматься историографическим анализом? Вообще, это тенденция многих современных работ, приводящая к целой волне фактических ошибок.

М. В. Шахматов, скорее всего, просто воспользовался предложением П. Н. Савицкого или Г. В. Флоровского, которые, как и другие лидеры евразийства, искали в то время научных экспертов в предстоящих к евразийскому утверждению специальных темах. Их сборники обычно были тематическими, но среди евразийцев к тому моменту не было ни профессиональных историков, ни юристов, ни религиозных мыслителей, ни вообще крупных ученых. Из опубликованной переписки Г. В. Флоровского с Н. С. Трубецким и Н. С. Трубецкого с П. П. Сувчинским все становится очевидным. В 1923 г. они намеревались приступить к изданию «толстого журнала» и перетянуть к себе «даже безразличные силы, которые можно заставить служить себе» «по малодности собственных», «одни мы не в силах (нет знаний!) широко выполнить задание, а узко — само по себе уже слабо» (Г. В. Флоровский — Н. С. Трубецкому, 1923) [Соболев 2002]. Они называли их «старые гримзы», «технические силы», «киноверцы». Отсюда понятно, что привлечение новых авторов в свои коллективные издания было поставлено ими «на правах сочувствия», «не подпуская к самому редактированию и установлению направления» [Трубецкой 2008: 67], «редакция — наша, и руководящие точки зрения раскроем мы и таким образом явимся погонщиками стада» (Г. В. Флоровский — Н. С. Трубецкому, 1923) [Соболев 2002]. Исследователям с близкими взглядами заказывались специальные статьи на заданную тему, т. е. они откровенно использовались как «спецы». Кого-то это устраивало, и они становились постоянными членами движения (Г. В. Вернадский, Н. Н. Алексеев и др.), при этом видоизменяя свои прежние представления, подстраиваясь под лидеров. Кто-то разрывал отношения с их изданиями впоследствии (Л. П. Карсавин, П. М. Бицилли и др.). Хотя тогда уже Н. С. Трубецкой не видел в этой затее ничего хорошего для евразийства. Они, «„спецы“, при выполнении заказов довольно свободно трактуют свои задачи и уклоняются от директив», — писал он П. П. Сувчинскому [Трубецкой 2008: 68].

В итоге к задуманному Г. В. Флоровским сборнику о православии с основной мыслью о культурном своеобразии России (Евразии) был привлечен М. В. Шахматов, который как раз подходил, так как работал в то время над диссертацией по исто-

рии древнерусских политических или государственно-правовых идей. Однако если в начале 1923 г., до публикации первой статьи М. В. Шахматова «Подвиг власти» Г. В. Флоровский писал Н. С. Трубецкому, что «Шахматов — почти уже евразиец», то в конце года в связи с обсуждением следующего сборника: «Участие Шахматова для меня тягостно, так как после первого опыта колом я не чувствую к нему минимального доверия, — то, что о его заданиях для православного сборника говорил П. Н. [Савицкий], меня прямо устрашает. Это дурные мифические *bluffs* [блеф]. Я очень прошу <...> его устранить, — его участие для меня болезненно и мучительно» [Соболев 2002]. Что не устраивало евразийцев в М. В. Шахматове? С одной стороны, как писал Н. С. Трубецкой в письме П. П. Сувчинскому (по поводу высказываний Г. В. Флоровского): «Ш[ахматов] человек дурного вкуса; можно поставить ему условием, чтобы без лирики и попредметнее», ибо «он не верит в эту Россию, в которую верим мы и ищет спасения в отвлеченном от жизни богословии и аскетизме. Это — не наш подход, ибо мы от жизни не бежим»¹ [Трубецкой 2008: 67, 69]. С другой стороны, сами идеи М. В. Шахматова никак не соответствовали евразийским установкам, о чем он тогда же определенно высказался в специальной статье «Самобытничество и любовь к Отечеству» [Шахматов 1925]. В них нет ни «исхода к Востоку», ни решающего фактора месторазвития, ни представления о России как Евразии, ни идеи борьбы как движущей силы истории, ни, наконец, евразийского понимания блага татаро-монгольского нашествия. Его теория «государства правды» ближе к славянофильству, от которого, кстати, отрекся Н. С. Трубецкой и призывал к этому других евразийцев [Трубецкой 2008: 102–103].

Единственное, что роднит М. В. Шахматова с евразийством, — это представление о самобытности исторического пути

¹ О неспособности М. В. Шахматова к традиционной (позитивистской, эмпирической) научной работе отмечали многие современники Н. Н. Алексеев [Алексеев 1991: 221], Н. Е. Андреев [Андреев 2008: 318], Б. Н. Лосский, С. Г. Пушкирев, Т. А. Рейзер-Бем [Ковалев 2013: 25], Г. Д. Гурвич [Назмутдинов 2013: 166]. Однако это несколько не умаляет значимости оригинальной концепции М. В. Шахматова для русской историографии.

России и его резком отличии от Запада¹. Так, в Древней Руси, считал он, возникает концепция «государства правды». Главную сущность ее в отличие от западноевропейского естественного права, основанного на прирожденных правах человека и ведущего к неустанной борьбе, составляет изначально данная Богом в Святом Писании истина христианской любви князя с народом и своими дружинниками. Этот идеал «любви-одиначества» «не ограничивается требованием взаимных совещаний и совместной работы, он требует от обоих сверхдолжного и чрезвычайного — героических подвигов и самопожертвования друг ради друга». «В концепции „государства правды“ в ее идеальном аспекте господствует ни одна земная воля, во имя чьих бы то ни было эгоистических интересов. Здесь и правитель, и народ отказываются от собственной воли, подчиняясь воле Божией, и властвуют в любовном единении во имя воли Божией, Правды Божией, во имя высокого, неизреченного идеала». «В данном отношении „государство правды“ не подходит ни под одну из традиционных государственных форм. Ибо „государство правды“, „царство правды“, Царство Русское не есть монархия, так как в монархии правитель подчиняется лишь своей собственной воле и ею установленным законам; не республика,

ибо в республике народ подчиняется только своей собственной воле и законам, ею установленным; не смешанная форма правления, где господствует компромисс между двумя волями». «„Государство правды“ выше монархии и республики, как воля Божия выше воли человеческой. „Правда Божия“ выше правды земной. Здесь суверенную, самодержавную верховную власть составляют не люди, а правда Божия, представляющая кристаллизированное выражение воли Божией. И если правитель или народ принимают какое-либо государственное дело, решение, то прежде всего чем решать дело, они обязаны установить, как его лучше разрешить согласно воле Божией, и тогда уже выносить свое постановление». Отсюда «для „государства правды“ сравнительно второстепенное значение имеет вопрос о юридическом строении государства, но гораздо большее, первостепенное значение имеет вопрос о преемстве благодати от Бога». «Богом установлена не только власть вообще, но и форма правления и власть каждого отдельного властелина. <...> Форму правления нельзя создать — ее надо заслужить», — подчеркивал историк [Шахматов 2008: 17, 42–46].

Таким образом, М. В. Шахматов, прежде всего, обосновывал идею православной государственности, основанную на анализе содержания древнерусских произведений письменности и фольклора. При этом я намеренно не рассматриваю то, как в его представлении эта идея реализовывалась в Древней Руси. Это отдельный, большой вопрос, требующий особой статьи, и его раскрытие никак не связано с евразийством. Здесь же и сказанного достаточно, чтобы, наконец, разграничить точки зрения М. В. Шахматова и евразийцев.

Источники

- Алексеев Н. Н. Из Царьграда в Прагу. Русский юридический факультет // Паушто В. Т. Русские историки-эмигранты в Европе. М.: Наука, 1991. С. 205–224.
- Андреев Н. Е. То, что вспоминается. Из семейных воспоминаний Николая Ефремовича Андреева (1908–1982). СПб.: Дмитрий Буланин, 2008. 640 с.
- Савицкий П. Н. Избранное. М.: РОССПЭН, 2010. 776 с.
- Соболев А. К вопросу о внутренних течениях и противоречиях в евразийстве 1920-х годов // Россия XXI. 2002. № 5. С. 166–196.

¹ Поэтому, по меньшей мере, странным выглядит тезис А. Суслова о том, что М. В. Шахматов сыграл заметную роль в формировании «евразийской» историософии [Суслов 2007: 180]. А где, хочется спросить, доказательства? Да, конечно, отдельные идеи М. В. Шахматова использовались в дальнейшем евразийцами. Например, привлечение им народных песен и былин в качестве источника для изучения древнерусских государственно-правовых идеалов наверняка повлияло на их дальнейшее применение в трудах Н. Н. Алексеева, Г. В. Вернадского, П. Н. Савицкого. Последний даже, рецензируя «Историю России», вышедшую в 1932 г. на французском под редакцией П. Н. Милюкова, Ш. Сеньобоса и А. Эйзенмана, как один из главных упреков авторам ставил отсутствие характеристики русского былинного эпоса. «Между тем, несмотря на все искажения, которые претерпел этот эпос при переходе с социальных верхов в народные массы, это, пожалуй, самый яркий исторический памятник, сохранившийся до нас от тех столетий», — писал П. Н. Савицкий [2010: 499]. Где тут огромное влияние М. В. Шахматова на евразийскую историософию?

- Трубецкой Н. С. Письма к П. П. Сувчинскому: 1921–1928. М.: Б-ка-фонд «Русское Зарубежье»; Рус. путь, 2008. 384 с.
- Шахматов М. В. Государство правды. М.: Изд-во «ФондИВ», 2008. 312 с.
- Шахматов М. В. Опыты по истории древнерусских политических идей. Т. 1. Учения русских летописей домонгольского периода о государственной власти. Прага, 1926. Кн. 1. Начало соборности; Прага, 1927. Кн. 2. Начало единоличной власти. 575 с.
- Шахматов М. В. Подвиг власти: Опыт по истории государственных идеалов России // Евразийский временник. Берлин, 1923. Кн. 3. С. 55–80.
- Шахматов М. В. Самобытничество и любовь к Отечеству // Возрождение. 1925. №№ 153, 160, 174.
- Литература**
- Вандалковская М. Г. Историческая наука российской эмиграции: «евразийский соблазн». М.: Памятники ист. мысли, 1997. 350 с.
- Вандалковская М. Г. Историческая наука российской эмиграции (1920–1930-е гг.) // Очерки истории отечественной исторической науки XX века / под ред. В. П. Корзун. Омск: Изд-во ОмГУ, 2005. С. 397–435.
- Васильев А. А. Евразийская концепция государства правды М. В. Шахматова // Евразийство: теоретический потенциал и практические приложения: мат-лы Шестой Всеросс. науч.-практ. конф. (с межд. участием) (г. Барнаул, 25–26 июня 2012 г.). В 2 т. Барнаул, 2012. Т. 1. С. 78–82.
- Васильев А. А. Концепция государства правды и царя-подвигоположника М. В. Шахматова // Государственная власть и местное самоуправление. 2013. № 5. С. 6–9.
- Гачева А. Г. Идея «Третьей России» и пореволюционные течения русской эмиграции // В поисках новой идеологии: Социокультурные аспекты русского литературного процесса 1920–1930-х годов. М., 2010. С. 375–422.
- Демина Л., Мохначева М. Шахматов Мстислав Вячеславович // Русское зарубежье. Золотая книга эмиграции. Первая треть XX века: Энциклопед. слов. М.: РОССПЭН, 1997. С. 711.
- Ковалев М. В. Историческая память и идентичность российской эмиграции 1920–1930-х годов: очерки. Саратов: Сарат. гос. техн. ун-т им. Ю. А. Гагарина, 2013. 204 с.
- Ковалев М. В. Русские историки-эмигранты в Праге (1920–1940 гг.). Саратов: Сарат. гос. техн. ун-т, 2012. 408 с.
- Малявин С. Н. История русской социально-философской мысли. М.: Дрофа, 2003. 256 с.
- Маслин М. А. «Евразийские временники» как источник классического евразийства // Евразийская идея и современность. М.: Изд-во РУДН, 2002. С. 245–253.
- Назмутдинов Б. В. Политико-правовые воззрения евразийцев в российском государствоведении XX века. М.: НИУ ВШЭ, 2013. 247 с.
- Смолин М. Б. Историческая справка об авторе книги // Шахматов М. В. Государство правды. М.: Изд-во «ФондИВ», 2008. С. 306–307.
- Сорокина М. Ю. Российское научное зарубежье: материалы для биобиблиографического словаря. Вып. 4: Юридические науки: XIX — первая половина XX в. М.: Дом русского зарубежья им. А. Солженицына, 2011. 220 с.
- Суслов А. А. «Государство правды» в трудах М. В. Шахматова и Н. Н. Алексеева // Свободная мысль. 2007. № 7. С. 180–191.
- Суслов А. А. Русские политические идеалы в евразийской историософии: образ «государства правды» // Вестник РГГУ. Сер. «Философия. Социология. Искусствоведение». 2008. № 7. С. 174–185.
- Хачатурян В. М. Культура Евразии: этнос и геополитика // Евразийская идея и современность. М.: Изд-во РУДН, 2002. С. 98–104.
- Цепилова В. И. Историческая наука русского зарубежья: проблемы историографии (1920–2004 гг.). Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2005. 294 с.
- Sources**
- Alekseev N. N. *Iz Tsar'grada v Pragu. Russkiy yuridicheskiy fakul'tet* [From Tsargrad to Prague. Russian Faculty of Law]. Pashuto V. T. *Russkie istoriki-emigranty v Evrope* [Russian emigrant historians in Europe]. Moscow, Nauka Publ., 1991, pp. 205–224 (In Russ.).
- Andreev N. E. *To, chto vspominaetsya. Iz semeynykh vospominaniy Nikolaya Efremovicha Andreeva (1908–1982)* [What is memorable. Excerpts from N. E. Andreev's (1908–1982) family memoirs]. St. Petersburg, Dmitriy Bulanin Publ., 2008, 640 p. (In Russ.).
- Savitsky P. N. *Izbrannoe* [Selected papers]. Moscow, ROSSPEN Publ., 2010, 776 p. (In Russ.).
- Sobolev A. *K voprosu o vnutrennikh treniyakh i protivorechiyakh v evraziystve 1920kh godov* [On internal controversies and contradictions within the 1920s Eurasianism]. *Rossiya XXI* (Russia XXI journal), 2002, No. 5, pp. 166–196 (In Russ.).

- Trubetskoy N. S. *Pis'ma k P. P. Suvchinskomu: 1921–1928* [Letters to P. Suvchinsky: 1921–1928]. Moscow, Russkoe Zarubezhye Foundation, Rus. Put Publ., 384 p. (In Russ.).
- Shakhmatov M. V. *Gosudarstvo pravdy* [The State of Truth]. Moscow, FondIV Publ., 2008, 312 p. (In Russ.).
- Shakhmatov M. V. *Opyty po istorii drevnerusskikh politicheskikh idey. T. 1. Ucheniya russkikh letopisey domongol'skogo perioda o gosudarstvennoy vlasti. Praga, 1926. Kn. 1. Nachalo sobornosti; Praga, 1927. Kn. 2. Nachalo edinolichnoy vlasti. 575 s.* [Revisiting Old Russian political ideas ...] (In Russ.).
- Shakhmatov M. V. *Samobytnichestvo i lyubov' k Otechestvu* [Authenticity and love for Motherland]. *Vozrozhdenie* [The Revival journal], 1925, No. 153, 160, 174 (In Russ.).
- References**
- Vandalkovskaya M. G. *Istoricheskaya nauka rossiyskoy emigratsii: «evraziyskiy soblazn»* [Historical studies within the Russian expatriate community: 'temptation of Eurasianism']. Moscow, Pamyatniki Ist. Mysli Publ., 1997, 350 p. (In Russ.).
- Vandalkovskaya M. G. *Istoricheskaya nauka rossiyskoy emigratsii (1920–1930-e gg.)* [Historical studies within the Russian expatriate community (1920–1930s)]. *Ocherki istorii otechestvennoy istoricheskoy nauki XX veka / Pod red. V. P. Korzun* [Sketches on the history of Russian historical studies in the 20th c. Edit. by V. Korzun]. Omsk, Omsk State Univ. Press, 2005, pp. 397–435 (In Russ.).
- Vasilyev A. A. *Evrasiyskaya kontseptsiya gosudarstva pravdy M. V. Shakhmatova* [M. Shakhmatov's Eurasianistic concept of the 'State of Truth']. *Evrasiystvo: teoreticheskiy potentsial i prakticheskie prilozheniya: materialy Shestoy Vserossiyskoy nauchno-prakticheskoy konferentsii (s mezhdunarodnym uchastiem)* [Eurasianism: Theoretical Potential and Practical Application. Proc. of the 6th all-Russia research and practice conf. (Barnaul, 25–26 June 2012), in 2 vol.] Barnaul, 2012, vol. 1, pp. 78–82 (In Russ.).
- Vasilyev A. A. *Kontseptsiya gosudarstva pravdy i tsarya-podvigopolozhnika M. V. Shakhmatova* [M. Shakhmatov's concept of the 'State of Truth' and self-sacrificing Tsar]. *Gosudarstvennaya vlast' i mestnoe samoupravlenie* [State-Power and Local Self-Government journal], 2013, No. 5, pp. 6–9 (In Russ.).
- Gacheva A. G. *Ideya «Tret'ey Rossii» i porevol'yutsionnye techeniya russkoy emigratsii* [The idea of a 'Third Russia' and post-revolutionary movements within the Russian expatriate community]. *V poiskakh novoy ideologii: Sotsiokul'turnye aspekty russkogo literaturnogo protsessa 1920–1930-kh godov* [In search of a new ideology: socio-cultural aspects of the Russian literary process in the 1920–1930s]. Moscow, 2010, pp. 375–422 (In Russ.).
- Demina L., Mokhnacheva M. *Shakhmatov Mstislav Vyacheslavovich* [Mstislav V. Shakhmatov]. *Russkoe zarubezh'e. Zolotaya kniga emigratsii. Pervaya tret' XX veka: Ents. biogr. slov.* [Russian expatriate community. Gold book of the emigration. Biographical dictionary]. Moscow, ROSSPEN Publ., 1997, p. 711 (In Russ.).
- Kovalev M. V. *Istoricheskaya pamyat' i identichnost' rossiyskoy emigratsii 1920 — 1930-kh godov: ocherki* [Historical memory and identity of Russian expatriates, 1920–1930s]. Saratov, Sarat. State Technical Univ. Press, 2013, 204 p. (In Russ.).
- Kovalev M. V. *Russkie istoriki-emigranty v Prage (1920–1940 gg.)* [Russian emigrant historians in Prague (1920–1940s)]. Saratov, Sarat. State Technical Univ. Press, 2012, 408 p. (In Russ.).
- Malyavin S. N. *Istoriya russkoy sotsial'no-filosofskoy mysli* [History of Russian socio-philosophical thought]. Moscow, Drofa Publ., 2003, 256 p. (In Russ.).
- Maslin M. A. *«Evrasiyskie vremenniki» kak istochnik klassicheskogo evraziystva* [Evrasiyskie Vremenniki as a source of the classical Eurasianism]. *Evrasiyskaya ideya i sovremennost'* [Eurasianism and contemporaneity]. Moscow, RUDN Press, 2002, pp. 245–253 (In Russ.).
- Nazmutdinov B. V. *Politiko-pravovye vozreniya evraziytsev v rossiyskom gosudarstvovedenii XX veka* [Political and legislative views of Eurasianists in the 20th c. Russian political studies]. Moscow, Higher School of Economics Press, 2013, 247 p. (In Russ.).
- Smolin M. B. *Istoricheskaya spravka ob avtore knigi* [A historical note about the author]. Shakhmatov M. V. *Gosudarstvo pravdy* [The State of Truth]. Moscow, FondIV Publ., 2008, pp. 306–307 (In Russ.).
- Sorokina M. Yu. *Rossiyskoe nauchnoe zarubezh'e: materialy dlya biobibliograficheskogo slovarya. Vyp. 4: Yuridicheskie nauki: XIX — pervaya polovina XX v.* [Russian expatriate scientific community: materials for a bibliographic dictionary. Iss. 4: legal sciences ...]. Moscow, Solzhenitsyn Centre of Russian Emigré Studies Press, 2011, 220 p. (In Russ.).

- Suslov A. A. «Gosudarstvo pravdy» v trudakh M. V. Shakhmatova i N. N. Alekseeva [The 'State of Truth' in M. Shakhmatov's and N. Alekseev's works]. *Svobodnaya mysl'* [The Free Thought journal], 2007, No. 7, pp. 180–191 (In Russ.).
- Suslov A. A. *Russkie politicheskie idealy v evraziyskoy istoriosofii: obraz «gosudarstva pravdy»* [Russian political ideals: image of the 'State of Truth']. *Vestnik RGGU. Seriya: Filosofiya. Sotsiologiya. Iskustvovedenie* [RGGU Bulletin], 2008, No. 7, pp. 174–185 (In Russ.).
- Khachatryan V. M. *Kul'tura Evrazii: etnos i geopolitika* [Culture of Eurasia: ethnos and geopolitics]. *Evraziyskaya ideya i sovremennost'* [Eurasianism and contemporaneity]. Moscow, RUDN Press, 2002, pp. 98–104 (In Russ.).
- Tsepilova V. I. *Istoricheskaya nauka russkogo zarubezh'ya: problemy istoriografii (1920–2004 gg.)* [Historical studies within the Russian expatriate community: problems of historiography (1920–2004)]. Ekaterinburg, Ural State Univ. Press, 2005, 294 p. (In Russ.).

УДК 930(091): 930.1(09)''19''

Евразийство и М. В. Шахматов (к вопросу о разграничении точек зрения)

Евгений Николаевич Дербин¹

¹ кандидат исторических наук, доцент, кафедра отечественной истории, социологии и политологии, Ижевская государственная сельскохозяйственная академия (Ижевск, Российская Федерация). E-mail: derbin80@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена историку-эмигранту М. В. Шахматову, создателю теории «государства правды», основанной на анализе содержания древнерусских произведений письменности и фольклора. В основании ее лежали начала соборности, одиначества и богоустановленности власти. Данную теорию вопреки современным исследователям достаточно сложно рассматривать как евразийскую, несмотря на участие ее автора в нескольких сборниках евразийцев. В его взглядах нет ни «исхода к Востоку», ни решающего фактора месторазвития, ни представления о России как Евразии, ни идеи борьбы как движущей силы истории. Сами идеологи евразийства считали М. В. Шахматова временным попутчиком, которого использовали в качестве «спеца». В свою очередь он сам заявлял о своем разрыве с ними. Скорее его взгляды можно отнести к возрождению славянофильских идей о самобытности истории русского государства и права.

Ключевые слова: евразийство, русская эмиграция в Праге, государство правды, М. В. Шахматов, Г. В. Флоровский, Н. С. Трубецкой